

А что же невеста?

Выше я писала о том, что многие современные невесты, как можно судить по их рассказам, часто жалуются на разочарование, которое они испытывают после свадьбы. И это — при том, что именно они чаще всего «режиссеры» свадебного торжества. И здесь я позволю себе вступить на зыбкую почву догадок и предположить, что девушка в момент своей свадьбы ищет не только обретения высшего социального статуса царевны, хотя ее свадебный наряд свидетельствует именно об этом. Напомню: свадебное платье горожанок стало белым после того, как были опубликованы в виде открыток свадебные торжества королевы Виктории и принца Альберта. Но, кажется мне, дело не только в социальном престиже. Ключевым для женщины в момент ее замужества было благословение ее рода. Во время свадьбы она становилась иконой рода в прямом смысле этого слова — она несла в себе факел живой связи всех в роду, кто был прежде, с теми, кто придет им на смену.

Ф. Ф. Зелинский в 1905 году назвал такое переживание своего места в роде и мире «филономической» концепцией:

Возьмите дерево — скажем, сосну. Из ее ствола в стройном порядке вырастают, постепенно уменьшаясь, ветви. Каждая из них живет своею собственною жизнью, растет и гибнет сама по себе; но все же все они объединены общим стволом, и яд, который проник бы в одну ветвь, не преминул бы со временем заразить и остальные. Представим себе теперь эти ветви одаренными сознанием: если это сознание будет ограничиваться каждой ветвью в отдельности, то мы получим онтономическую концепцию. Но если каждая ветвь будет, сверх того, еще непосредственно сознавать и свою связь с остальными, то ее сознание будет филономическим. Отсюда видно, что последнее сознание полнее и совершеннее первого. При чтении Эсхила, Пиндара, Геродота мы убеждаемся, что в те времена люди действительно еще сознавали филономически. Человек чувствовал себя заодно с предками и потомками; ныне живущие особи — по красивому сравнению Эсхила — точно поплавки погруженной сети: они на плоскости современности дают свидетельство о тех своих предках, которые уже погрузились в глубь прошлого; через них эти последние живут, без них их уничтожение было бы полным. И это биологическое бессмертие было для эллина нашей эпохи куда важнее того эсхатологического, которое обуславливало веру в обитель Аида. Говоря о том, как боги наказали вероломство Главка, Эпикидова сына, Геродот с особым ударением заявляет, что нет теперь его потомков, нет его «очага» на земле: ничто не может сравниться с горем той души, у которой отрезали поплавок, соединявший ее с миром света и жизни¹.

Мне кажется, что российская невеста что-то чувствует — долг, связь? — в отношении ушедших и еще не пришедших душ рода. Она берет ритуал свадьбы в свои руки, сиюсь стать тем самым поплавком,

¹ Зелинский Ф. Ф. «Алкеста» и «Медея». Еврипид в переводе И. Ф. Анненского. Ч. III. Цит. по: http://az.lib.ru/z/zelinskij_f_f/text_1915_02_alkesta_i_medeya.shtml.

который делает различимой на поверхности жизни вневременную родовую сеть. Я полагаю, что традиционные российские свадебные обычаи несли филономический порядок жизни. Мне было странно узнать, что по пинежской традиции девушек-славутниц, выходивших на праздничные метища в тех самых прекрасных нарядах, которые позже служили им свадебной одеждой, называли «богородицами»². Но потом я догадалась, что говорящие сравнивали их не с Матерью Божьей, но с иконой, с сакральным объектом. В наряд девичей славы невесты вложился весь ее род, сундук с одеждой собирался с рождения, наряжали девушку на выход женщины ее рода. Из материнского сундука в качестве приданого, принесенного в дом мужа, ей, дочери-славутнице, доставались шали и украшения. А к матери, в свою очередь, они перешли от ее матери, пришедшей в род и дом ее отца. Но и отец вкладывался в наряд жены и дочерей. По свидетельству К. К. Случевского, большую часть заработанного на морских промыслах поморы тратили на наряды своих женщин. Случевский, путешествовавший в свите великого князя Владимира Александровича (1847–1909) по северо-западным и северным губерниям Европейской России, описывал встречу великого князя в Кеми (северо-запад Архангельской губернии) так:

С лентами на лбах, в золототканых повойничках, с цветными платочками на шее и груди, быстро и ловко подгребли кемлянки к катеру, и на первую ближайшую лодку пересел Великий Князь. Любопытно было видеть со стороны, как кричавшие «ура!» и махавшие платками лодочницы находились, так сказать, между двух огней: хотелось им смотреть на Великого Князя, а между тем нельзя было терять секунды, чтобы не быть снесенными стремниной... В Кемь встретились мы, таким образом, в первый раз с типом обычного на нашем Севере в летнюю пору в высшей степени характерного женского города. Весь мужской персонал, способный работать,

² Рассказывают мастера: Из материалов экспедиций по Архангельской области в 70–80-е годы XX века искусствоведа Н. А. Филёвой, с фотографиями, комментариями и дополнениями автора. М.: Тип. Сити Принт, 2018. С. 122.

отправляется в марте или апреле на Мурман, и возвращаются они не ранее сентября или октября. Матери, жены и дочери остаются на местах, что несколько не мешает им отваживаться в открытое море, когда и на чем угодно, и прибрежное дитя еще в люльке готовится быть моряком, не знающим страха и вскормленным неприветливым морем, так как матери-кормилицы берут с собою ребяток в лодки и укладывают спать на носу или на корме... Наряжаться любят не только жены и дочери хозяев, но и простых работников-«покручников», так что если верить рассказам, то почти все, что остается свободным от заработков, идет на одевание. Яркость цветов действительно поразительна; как и во многих местах Севера, местный жемчуг, вылавливаемый в реке Поньке, в 50 верстах отсюда, составляет одно из любимых украшений; шелков и золотой ткани тоже очень много³.

Мне хотелось воспользоваться живописным описанием Случевского, из которого мы можем представить и красоту женских праздничных нарядов, и размеры усилий мужей и отцов (промысловые заработки), направленные на них.

Итак, мне представляется, что миссия современной невесты, которую она силится и не может исполнить, поскольку благословения-наделения, а также и моления совместно со старшими рода и с предками не случается, заключается во внесении в современный онтономический порядок социальной жизни особого смысла общей кровно-родовой связанности предков и потомков: предки должны ее благословить, потомки же явятся в мир ее телесным попечением. И поэтому способность к деторождению это в том числе и способность обеспечить филономическую связь.

Филономическая концепция человека и жизни, филономическая мораль никогда, даже в древности, не развились

³ Случевский К. К. От Соловков до Кеми. Кемь // Случевский К. К. Поездки по Северу России в 1885–1886 годах. Цит. по: http://az.lib.ru/s/sluchewskij_k_k/text_0100-1.shtml.

в систему. Оно и понятно: для одних они не нуждались в доказательствах, для других — были недоказуемы. Одни — это «люди» в полном смысле слова: они чувствуют, сами не отдавая себе в этом отчета, что они теперь несут факел жизни, переданный им их предками, и что их долг — передать этот факел своим потомкам так, чтобы он пылал не с уменьшенной, а с увеличенной силой; они чувствуют, что в них сосредоточено будущее всей их породы и что от них зависит повести эту породу по восходящей или же по нисходящей ветви. Это — ни с чем не сравнимое, гордое сознание; аристократизм, если хотите, но аристократизм биологический, существенно отличный от сословного. «Другие» — это люди-одиночки, люди-атомы. Они не будут непременно эгоистами, о нет: они способны любить отца, мать, друга, жену, детей — но это будет любовь к непосредственно видимому, а не та мистическая, к далекому претворению своего естества в непознаваемом будущем, к его бессмертию на земле⁴.

⁴ Зелинский Ф. Ф. Еврипид и его трагедийное творчество / Сост. и предисловие О. А. Лукьянченко. СПб.: Алетейя, 2017. С. 56.

